

Андрей Ефанов

A hand wearing a black leather glove is positioned over an old, leather-bound book. A glowing blue digital grid, resembling a circuit board or data structure, is projected onto the book's surface. The background is dark and blurred, suggesting a high-tech or digital environment.

Код провенанса

Андрей Ефанов
Код провенанса

«Автор»

2026

Ефанов А.

Код провенанса / А. Ефанов — «Автор», 2026

Детектив, арт - триллер. Николай Морозов, бывший промышленник и владелец бесценной библиотеки, оказывается на грани разорения. Элегантный антиквар Илья Галицкий предлагает ему спасение: создать цифровую платформу «Книжный Блок», которая оцифрует историю владения (провенанс) раритетов и сделает их ликвидным активом. Коллекция Морозова становится залогом сделки. Но за фасадом технологического прорыва скрывается изощрённая афера. Платформа превращается в финансовую пирамиду, а смерть одного из инвесторов открывает Морозову глаза на страшную правду: он не партнёр, а идеальная ширма для махинаций. Начинается смертельная шахматная партия. Чтобы разоблачить мошенника, Морозов создаёт гениальную ловушку — подбрасывает слух о продаже уникального артефакта с автографом Пушкина. Жадность толкает Галицкого на роковую ошибку, но арест лишь запускает финальный акт драмы...

© Ефанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остоженка	5
Глава 3. Вера	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Код провенанса

Глава 1. Остоженка

Тишина в кабинете Николая Павловича Морозова была тяжелой, осязаемой. Она пахла старой кожей кресел, книжной пылью и почему-то — озоном после грозы, хотя за окном лишь лениво накрапывал осенний дождь. Этот кабинет-библиотека занимал весь второй этаж его особняка на Остоженке, и каждый метр здесь был историей, застывшей в дереве, золоте тиснения и пожелтевшей бумаге.

Морозов стоял у высокого окна, опершись ладонью о холодное стекло. Он смотрел вниз, но видел не мокрый асфальт и поток машин. Его взгляд был прикован к одинокой фигуре на другой стороне улицы.

Под тяжелым свинцовым небом шла женщина. На ней было пальто цвета терракоты — глубокий, сложный оттенок обожженной глины, королевский цвет увядания, который так любили художники-передвижники. Оно идеально гармонировало с шоколадным оттенком кожи её обнаженных до локтя рук. Над головой она держала винтажный зонт-трость, черный купол которого казался островком элегантности в этом сером мире.

Она двигалась с той особой, врожденной грацией, которая не имеет ничего общего с выучкой балерины. Это была пластика уверенной в себе пантеры, вышедшей на охоту. Её походка заставляла мужчин замедлять шаг, даже если они спешили домой к остывшему ужину. Николай Павлович усмехнулся уголком губ. В этой женщине была та самая исконная, животная сексуальность, которую нельзя купить ни за какие деньги. Она делала только то, чего хотела сама, и мир покорно расступался перед ней.

Он вспомнил строки любимого поэта Серебряного века: Всегда без спутников, одна, Дыша духами и туманом...

Да, это было про неё. Про этот силуэт в терракотовом пальто. Она несла свою красоту и свободу так же естественно, как дышала. В ней не было пошлости, лишь чистое, незамутненное притяжение. Именно эта эстетика — сочетание утонченности и скрытой страсти — всегда восхищала Морозова. Он ценил женщин, которые оставались тайной, загадкой, которую хотелось разгадывать всю жизнь.

Он отвернулся от окна и прошелся по кабинету к массивному столу карельской березы, который помнил еще его отца. На столе лежал не очередной фолиант с экслибрисом великих князей, а тонкий планшет из стекла и металла. На экране светились цифры, от которых веяло банкротством. Все красные. Убытки. Кассовый разрыв. Просроченные платежи. Цифры были безжалостны, они не понимали ценности того, что их окружало. Для них всё это богатство было лишь неликвидным активом, балластом, тянущим ко дну целую промышленную империю.

Он снял очки в тонкой золотой оправе и устало потер переносицу. Взгляд его скользнул по стеллажам красного дерева, уходящим под самый потолок. Там, в полумраке, спала настоящая стоимость этого дома. Пушкин в прижизненном издании, Гоголь с собственноручной правкой автора, футуристы в обложках из обойной бумаги... Его дети, которых он больше не мог позволить себе содержать.

Каждая книга — это не просто бумага и клей. Это сосуд. Сосуд, хранящий ауру. Запах типографской краски столетней давности, тепло чьих-то пальцев, перелистывавших страницы, эхо голосов из прошлого. Ауру, которую можно только чувствовать.

Его размышления прервал звонок внутреннего телефона. Он нажал кнопку селектора: — Слушаю.

— Николай Павлович, к вам Илья Борисович Галицкий, — прошелестел голос домохозяйки. — Говорит, вы договаривались.

— Да-да, просите, — Морозов вернул планшет экраном вниз, словно пряча улику.

Дверь кабинета открылась бесшумно. Вошедший мужчина двигался с грацией сытого хищника. Илья Борисович Галицкий был одет безупречно: кашемировое пальто небрежно наброшено на плечи, костюм-тройка сидит как влитой, а туфли ручной работы отражают свет антикварной люстры. Ему было около сорока пяти, но ухоженность делала его моложе. Лицо холерное, гладко выбритое, с внимательными, чуть насмешливыми глазами человека, привыкшего оценивать всё вокруг и всегда видеть выгоду.

— Николай Павлович! — он раскинул руки, будто собираясь обнять старого друга, но остановился на почтительном расстоянии. — Рад вас видеть в добром здравии!

— Здравствуй, Илья, здравствуй, — Морозов пожал протянутую руку. Рука у гостя была мягкая, прохладная. — Проходи. Коньяк? Кофе?

— От коньяка не откажусь. Твой кизлярский — это единственное, что в этом доме может сравниться по ценности с содержимым этих шкафов, — Галицкий позволил себе легкую улыбку, обводя взглядом библиотеку.

Пока Морозов доставал из резного буфета бутылку и бокалы, гость медленно обходил комнату. Он не просто смотрел — он читал корешки, иногда касаясь их кончиками пальцев, словно слепой, читающий шрифт Брайля. Вот он замер у секции Серебряного века.

— А вот это любопытно... — пробормотал он, доставая тоненькую книжицу в бумажной обложке. — Каменский. «Девушки босиком». Тираж уничтожен цензурой. Если состояние хорошее, тысяч пятьдесят евро можно просить. Евро, Коля, не рублей.

Галицкий поставил книгу обратно и повернулся к хозяину дома. Взгляд его стал острым, оценивающим.

— Я смотрю, ты все так же хранишь свои сокровища. Но скажи мне, друг мой, зачем тебе эта красота, если она тебя разоряет? Заводы стоят, кредиторы звонят, а ты сидишь посреди золотого фонда, который нельзя съесть или продать.

Морозов молча разлил коньяк. Протянул бокал гостю. Сел в свое кресло. Некоторое время оба молчали, смакуя напиток. — Ты пришел не просто повидаться, Илья, — наконец сказал Морозов глухим голосом. — И не для того, чтобы оценить мою коллекцию. Ты чуешь запах крови и денег. Так говори прямо. Что ты предлагаешь?

Галицкий отсалютовал ему бокалом, сделал глоток и, поставив его на стол, наклонился вперед. Кабинет наполнился запахом дорогого парфюма. — Я предлагаю превратить твоё кладбище активов в высоколиквидный финансовый инструмент. Я знаю, как заставить твои книги работать. Не продавая их. Мы создадим систему, которая будет стоить дороже самих томов. Гораздо дороже.

Морозов не изменился в лице, но его пальцы, сжимавшие бокал с кизлярским коньяком, едва заметно дрогнули. Он поставил тяжелый хрусталь на стол так осторожно, словно тот был сделан из тончайшего стекла. — Систему? — переспросил он, глядя на Галицкого поверх очков. В его взгляде читалась не заинтересованность, а усталость человека, которого пытаются обмануть в сотый раз. — Илья, я слишком стар для модных словечек. «Система», «инструмент»... Говори как есть или уходи. У меня через час видеоконференция с кредиторами, которые хотят пустить меня по миру.

Галицкий улыбнулся, но на этот раз без тени насмешки. Это была улыбка хирурга, который видит перед собой сложную, но интересную операцию. Он достал из внутреннего кармана пиджака тонкий планшет в титановом корпусе — полную противоположность дешевому гаджету Морозова. — Хорошо, Николай Павлович. Без «воды». Твоя проблема не в том, что у тебя нет денег. Твоя проблема в том, что твой главный актив невозможно монетизировать быстро и легально. Ты не можешь продать библиотеку целиком — это обрушит рынок и вызовет вопросы

у налоговой. Продавать поштучно — значит годами возиться с экспертами, аукционами, логистикой... Пока ты будешь продавать одну книгу, твои заводы окончательно встанут.

Он коснулся экрана планшета, и на нем появилась схема: несколько квадратов, соединенных стрелками. — Я предлагаю создать цифровую платформу. Назовем ее... «Книжный Блок». Идея проста до гениальности. Мы оцифровываем провенанс каждой книги в твоей коллекции. Не просто сканируем страницы, а создаем уникальный цифровой паспорт на блокчейне. История владения, реставрации, выставок. Каждая транзакция, каждая смена владельца фиксируется там навсегда и прозрачно.

Морозов слушал молча, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Он все еще не понимал, где подвох. — И кто за это заплатит?

— Все! — Галицкий сделал широкий жест рукой, чуть не сбив со стола бокал. — Коллекционеры, инвесторы, музеи. Представь себе: человек покупает редкую книгу. Как ему быть уверенным, что это оригинал, а не качественная подделка? Он идет на нашу платформу, вводит код и видит всю историю этой книги от типографии до твоего сейфа. Гарантия подлинности. Это стоит денег. Очень больших денег. А теперь главное...

Галицкий наклонился вперед, понизив голос почти до шепота. В кабинете стало тихо, только дождь барабанил по стеклу. — Мы докажем рынку то, во что он уже готов верить: что репутация раритета важнее самого предмета. Инвесторы будут покупать не бумагу и клей. Они будут покупать чистую идею ценности, подтвержденную безупречным цифровым кодом. Физическая книга лежит здесь, в твоём сейфе. Но её цифровая копия, её история, её ценность могут продаваться и покупаться неограниченное число раз. Это создаст колоссальный оборот капитала, абсолютно легального и прозрачного. Государство будет счастливо — мы оцифруем культурное наследие. Банки будут счастливы — пойдет поток инвестиций. А ты получишь живые деньги для своих заводов, сохранив коллекцию при себе.

В комнате повисла тяжелая пауза. Морозов медленно снял очки и начал протирать их идеально чистым платком. Предложение было безумным. Оно пахло авантюрой, большими деньгами и еще большей опасностью. Но оно давало шанс. — Кто еще в деле? — наконец спросил он, водружая очки обратно на нос.

— Пока только мы двое. Я технолог и знаток рынка, ты — владелец самого значимого собрания в стране. Наш тандем станет фундаментом доверия. Никто другой не сможет запустить такой проект с таким весом.

Морозов долго смотрел на своего гостя. Галицкий сидел расслабленно, ожидая ответа. Наконец, хозяин дома встал. Его фигура казалась монументальной на фоне книжных полок. — Мне нужно подумать, Илья. Дай мне неделю.

— Неделя — это много, Коля. Рынок меняется каждый день. Решай сейчас.

Морозов подошел к окну. Дождь прекратился, оставив после себя мокрый асфальт и отражения городских огней. Заводы. Люди. Долги. И эта чертова библиотека, которая могла стать спасением или последним гвоздем в крышке гроба. Он повернулся к Галицкому. Решение было принято.

— Черт с тобой. Я в деле. Но учти, если это очередная твоя афера, я тебя уничтожу. По настоящему.

Галицкий расплылся в довольной улыбке и поднял свой бокал.

— За новый порядок вещей, Николай Павлович. За «Книжный Блок».

Они выпили. Морозов почувствовал, как коньяк обжег горло. Он поставил бокал и посмотрел на Галицкого. Партнерство началось. Игра началась.

Следующая неделя прошла в суете, которую Морозов давно забыл. В его особняке развернулась настоящая операция. Команда IT-специалистов, привезённая Галицким, опутывала дом кабелями, устанавливая серверные стойки прямо в соседнем с библиотекой помещении, которое раньше служило малой гостиной. Воздух наполнился запахом металла и гулом систем охлаждения, чужеродным звуком в этом храме тишины.

Сам Галицкий превратился в дотошного ревизора. Вместе с двумя своими безмолвными помощниками он проводил инвентаризацию. Процесс был похож на работу криминалистов. Каждую книгу бережно извлекали из шкафа, укладывали на специальный стол с бестеновой лампой. Один помощник фотографировал переплет, форзацы, каждую страницу с пометками. Второй заносил данные в ноутбук: год издания, издательство, состояние бумаги, наличие владельческих знаков.

Морозов наблюдал за этим процессом со смешанными чувствами. С одной стороны, это напоминало медицинское обследование — неприятное, но необходимое. С другой — он чувствовал себя голым. Эти люди копались не просто в вещах, они вскрывали его душу, его прошлое, переводя его жизнь на язык нулей и единиц.

На третий день Галицкий добрался до главного сокровища. Морозов сам отпер массивный сейф, спрятанный за фальшпанелью одного из стеллажей. Внутри, в климатической камере, лежали они.

— Так-так... — протянул Галицкий, натягивая белые нитриловые перчатки, которые он всегда носил с собой. — Давненько я этого не видел.

Он взял в руки небольшой томик в потертом кожаном переплете. «Евгений Онегин». Первое полное издание, вышедшее незадолго до гибели автора. Книга была открыта на странице с гравированным портретом Пушкина работы Кипренского.

Галицкий действовал с невероятной осторожностью. Он не стал класть раритет на стол. Вместо этого он положил книгу на специальную подставку из инертного материала. Подключил к корешку какой-то датчик.

— Что это? — спросил Морозов, подходя ближе.

— Спектральный анализ состава клея и чернил, — не отрываясь от работы, ответил Галицкий. — Нужно зафиксировать базовое состояние. Любое вмешательство в будущем сразу отразится на цифровых показателях. Это часть технологии.

Он перевернул страницу. Раздался тихий шелест бумаги, которому было почти двести лет. Затем Галицкий замер. Его взгляд, обычно бегающий и оценивающий, остановился на одной строчке в конце главы. Там, на полях, бисерным почерком было выведено четверостишие.

«Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть призрак милый, хоть журнал».

— Автограф? — выдохнул один из помощников.

— Нет, — отрезал Галицкий. Голос его звучал глухо. — Хуже. Или лучше. Это рука Вяземского. Посмотри на характерный завиток в букве «ж». И вот здесь, видишь? Пятнышко от чернильницы. Он всегда ставил кляксу именно в этом месте. Я видел другие автографы. Это подлинник.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Морозов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал об этих стихах. Знал, что Вяземский часто оставлял шуточные посвящения Пушкину. Но увидеть это собственными глазами... Ценность этого конкретного экземпляра взлетала до небес. Она становилась бесценной.

Галицкий медленно закрыл книгу. Он посмотрел на Морозова, и в его глазах плескался неприкрытый восторг хищника, увидевшего добычу всей жизни.

— Николай Павлович... — произнес он тихо. — Ты даже не представляешь, что у тебя в руках. Этот экземпляр меняет всё. Теперь я не понимаю, почему банки отказывают тебе в кредитах. Они идиоты. С таким залогом ты можешь скупить половину Европы. Мы должны зарегистрировать это немедленно. Это станет нашей витриной. Лицом проекта.

Он аккуратно вернул книгу в сейф, захлопнул тяжёлую дверь и набрал код на электронном замке. Когда он обернулся, его лицо снова было лицом делового партнера, но блеск в глазах остался.

Когда команда Галицкого ушла, Морозов долго стоял перед закрытым сейфом. Он думал не о деньгах и не о заводах. Он думал о словах, написанных на пожелтевшей бумаге. О призраках, которые жили в стенах этого дома.

Проект «Книжный Блок» перестал быть просто финансовой схемой. Он становился чем-то иным, чужим. Галицкий хотел продавать не книги. Он хотел продать гарантию подлинности, оторванную от самого предмета. Он доказывал миру, что репутация раритета важнее самого носителя. Морозов же понимал: то, что они сейчас оцифровали — эту кляксу Вяземского, шелест страниц — было аурой. И эту ауру нельзя было записать на сервер. Её можно было только уничтожить.

Мало кто знал, но Николай Павлович Морозов, способный просчитать на двадцать ходов вперёд сложнейшую финансовую схему, проиграл свою самую важную партию из-за элементарного мата в два хода. И не на доске, а в жизни.

Дело в том, что Морозов был перфекционистом. Но его перфекционизм был сродни болезни. Он не терпел несовершенства. Ни в финансовых отчётах, ни в состоянии переплёта редкого издания, ни — упаси боже — в логике собеседника.

Его последняя спутница, женщина с профилем Нефертити и темпераментом бенгальской тигрицы, оставила его после партии в шахматы. Не из-за того, что он выиграл. А из-за того, как он это сделал.

В середине игры, когда её ферзь уже был под угрозой, она совершила ошибку. Очевидную, детскую ошибку. Морозов замер. Он посмотрел на доску, потом на неё. В его взгляде не было торжества победителя. В нём было холодное разочарование учёного, обнаружившего, что фундаментальный закон природы дал сбой.

Он не стал ставить мат. Он просто откинулся в кресле и ровным, лекторским тоном объяснил ей, почему её последний ход был логически несостоятельным. Он разобрал её ошибку на атомы. Он показал ей всю безнадёжность её позиции с самого начала партии. Он думал, что делится мудростью. Она же услышала лишь приговор.

Она молча смела фигуры с доски из карельской берёзы, подарила ему взгляд, полный ледяного презрения, и ушла. Навсегда.

С тех пор Морозов решил, что женщины — создания иррациональные и восхитительные в своей непредсказуемости — слишком сложный материал для его упорядоченного ума. Завод можно перестроить, финансовую схему — оптимизировать, но не женскую логику... это был хаос, к которому он не знал ключа.

Поэтому он предпочёл им всем свою коллекцию. Книги были честны. Их можно было понять. Их историю можно было проследить. В них не было двойного дна... по крайней мере, до тех пор, пока в его библиотеке не появился Илья Галицкий со своим «Книжным Блоком».

Теперь же, наблюдая за рождением цифрового Левиафана, Морозов начинал подозревать, что даже его любимые книги научились лгать. И эта ложь была куда изощрённее женской логики.

Глава 3. Вера

Спустя три дня после того, как команда Галицкого завершила оцифровку основной части коллекции, в кабинете Морозова раздался звонок внутреннего телефона. Голос домоправительницы звучал непривычно официально:

— Николай Павлович, к вам Илья Борисович. И с ним дама.

Морозов нахмурился. Он не ждал гостей, а визиты Галицкого без предупреждения обычно означали новый виток давления или срочную необходимость подписать очередную кипу документов. Тем не менее, он нажал кнопку на селекторе:

— Приси.

Дверь открылась, и первым вошел Галицкий — всё такой же безупречный, пахнущий сандаловым деревом и успехом. Но следом за ним вошла она, и кабинет словно наполнился другим воздухом — более легким, сладковатым, тревожным.

Это была Вера Самойлова. Если бы кто-то сказал Морозову, что Мэрилин Монро воскресла и переехала в Москву, он представил бы её именно такой. Платиновые волосы были уложены в мягкие волны, обрамляя лицо с идеальными, почти кукольными чертами. Огромные голубые глаза смотрели на мир с выражением детской наивности, которое совершенно не вязалось со строгим деловым костюмом из тонкой шерсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.